

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

Или вот, например, из протокола допроса от 2 апреля 1937 года начальника строительства – Кудиша Бронислава Юльевича, арестованного одним из первых, в конце марта 1937 года:

«В о п р о с: Расскажите подробно о вашей контрреволюционной работе?

О т в е т: Признаю, что я действительно являлся участником троцкистской контрреволюционной организации, моя борьба [нрзб.] длилась на протяжении двух лет (1935-1936 гг.), [нрзб.] на путь борьбы с партией и Советской властью. По заданию Пятакова я проводил контрреволюционную вредительскую работу на «Ормедь-золото» <...>

Подробные показания о всей моей контрреволюционной деятельности и о лицах, известных мне, как участниках троцкистской организации, – дам дополнительно на следующих допросах».

И так все допросы, проведённые по одной схеме и написанные как бы под копирку. Инквизиторские методы следователей теперь обнародованы.

Из воспоминаний моей мамы, Евангуловой Нины Васильевны:

«Кудиша и Маковского взяли в Москве, а потом Кудиша повезли на стройку. Каким-то образом Кудишу удалось во время пути сбросить записку для жены, и там было написано, что его били, истязали и принудили всё подписать; что он ни в чём не виноват, всё, что подписал, – ложь».

И далее, уже о её собственных допросах вскоре после ареста, 3 сентября 1937 года:

«Опять легковая машина, и мы поехали по оренбургским степям в неизвестность!

Помню, меня пронзила страшная мысль, что нас могут заставить подписать клевету на мужей любым способом!.. Скоро в степи показались 3-4 строения – белые одноэтажные мазанки, обнесённые проволокой...

Вошли в один барак, там сплошные жёны. По ночам вызывают на допрос и заставляют под-

писывать всякие небылицы. Мы с Шейкиной (Кудиш попала в другой барак) начали обсуждать, что будем делать!.. Ночью её вызвали, и она очень быстро вернулась. Вошла и сказала следователю: «...Муж мой ни в чём не виноват, а что вы там написали, меня не интересует, читать я не буду, хотите мою подпись – давайте подпишу – и всё!».

Со мной был длинный разговор. Мой следователь, рыжий молодой мужик по фамилии Биржевой, дал мне прочесть протокол. Там было написано, что мой муж – «троцкист», вёл какие-то контрреволюционные разговоры и т.д. Я сказала, что муж беспартийный, какой же он троцкист? Политикой не занимался, так как ему было некогда... Он стал настаивать, чтоб я подписала, что мой протокол – «середнячок», так, пустяки, а вот я Вам покажу другой. И показал. Там было написано: «Поезда спускали с рельсов, взрывали что-то» и всякие страшные события. И всё это жёны подписали, а если Вы не подпишете, то я Вам ещё добавлю, такой же протокол, как этот. Я ответила: «Ведь это цинизм! Вы устраиваете торговлю, как на базаре, сами, значит, не верите во все эти сказки. Можете написать и побольше, и поменьше».

Было уже 4 часа утра, глаза у следователя слепались, голова опустилась, и вдруг он взревел: «Уберите её отсюда к чёртовой матери!!!»

Меня выпроводили в холодный коридор, ночью были заморозки, дверь открыта. Я свалилась на скамейку, измотанная до предела, с одной мыслью заснуть, чтобы набраться сил к следующей «беседе». В 6 часов утра снова меня вызвали, опять те же разговоры... Ещё несколько часов происходила эта тяжёлая «комедия». Наконец, этот тип догадался и объявил, что если не подпишу, то сюда привезут мою дочь (уже у многих забрали юных детей и тоже посадили). Тут всё было кончено: я подумала, что если мы с отцом пропали, то дочь тянуть за собой нельзя. Я подписала и ушла».

Вернусь к списку протоколов допросов. Обращает на себя внимание тот факт, что все перечисленные

обвиняемые принадлежат к руководящему составу строительства. Они же, плюс дополнительно человек десять, фигурируют в перекрёстных допросах.

Талантливые руководители, организовавшие строительство «ударными» темпами, и инженеры, и прорабы оказались вдруг «шпионами» и «вредителями».

Первым, 17 февраля 1937 года, был арестован Г.К. Маковский, находившийся в тот момент в Москве, затем – Б.Ю. Кудиш:

«Кудиша арестовали в Москве 30 марта 1937 года. Через полгода взяли и старого большевика, члена партии с 1903 года А.П. Серебровского, всего за четыре дня до ареста назначенного Наркомом тяжёлой промышленности, с чем его поздравил по телефону Сталин... (Брошюра «Диалог», № 19-20, 1990, изд-во «Южный Урал», Оренбург, С.25)».

Одним из последних был арестован мой отец. Ситуацию на строительстве того периода и некоторые подробности арестов осветил В.Альтов в своей книге:

«Оставшаяся практически без квалифицированного руководства стройка сбилась с хорошего ударного ритма.

План 1937 года был завален. Так и не смогли завершить сооружение опытного завода... Теперь недостатки, присущие, в общем-то, любой крупной стройке, объясняли одним – действиями вредителей, последствиями вражеской деятельности Кудиша и его ставленников... (Альтов В.Г. Медногорск. – Челябинск, 1989. С.79)».

Арест моего отца был обставлен несколько особо, поскольку в «Деле» присутствует некий таинственный пакет, в который, помимо рукописной копии «Обвинительного заключения», вложена красноречивая «Справка на Евангулова П.П.», являющаяся как бы санкцией на арест, под грифом «СОВ. СЕКРЕТНО», а под позицией 3 значатся «Служебные записки, копии требований на 5 листах», которые, к сожалению, отсутствуют, хотя подозреваю важность их роли.

(Окончание в следующем номере).